

ПОЭТИКА И ИСТОРИЯ ТЕКСТА

POETICS AND HISTORY OF THE TEXT

Научная статья

УДК 821.581; 808.1

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-1-8-18

Образ восприятия эвенков в художественной этнографии китайских писателей (на материале творчества Ужерту)

Дэн Голун

Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Россия

412687814@gg.com, <https://orcid.org/0000-0003-3225-1608>

Эвенки – малочисленная этническая группа, проживающая на территории России и Китая, сохранившая традиционную культуру и обрядность. «Эвенкийская тема» стала значимым явлением современной китайской литературы, внесла вклад в этнографические исследования эвенкийской культуры. Актуальность исследования обусловлена интересом современного литературоведения к разнообразным художественным проекциям имагологической методологии сквозь призмы этнических культур, а также вниманием современных китайских писателей к жизни малых народностей. Целью работы стал анализ образов самовосприятия эвенка в художественной этнографии писателя-эвенка Ужерту. Основой послужили методологические разработки в области художественной этнографии, имагологические исследования культурных образов и художественных образов восприятия в литературе. Автор соотносит своё исследование с этнографическими трудами российских этнографов. Основными методами послужили культурно-исторический, сравнительно-исторический, имманентного анализа и переводоведческих интерпретаций. В ходе работы проанализированы рассказы Ужерту. Образ эвенка в его произведениях дан с точки зрения самовосприятия. С каждым новым этапом творчества Ужерту всё глубже осознавал ответственность перед своим народом, пытаясь в художественной форме зафиксировать и сохранить его уникальную культуру. В произведениях Ужерту отмечены основные типологические приёмы художественной этнографии: создание образов восприятия инокультуры (ханьской), запечатление традиционных религиозных представлений и мифологической картины мира, описание бытовых и промысловых обычаев и ритуалов. Ужерту с грустью фиксирует процессы окитаивания эвенков, их растворения в ханьской культуре и быте.

Ключевые слова: образ восприятия, образ самовосприятия, художественная этнография, эвенки, этнические меньшинства, Ужерту, современная китайская литература

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-012-00318 «Образы России и Китая в художественной этнографии (по материалам русской и китайской литературы, публицистики Маньчжурии 20–40-х гг. XX в.)».

© Дэн Голун, 2022

Original article

The Image of the Perception of the Evenki in the Artistic Ethnography of Chinese Writers (Based on the Material of the Work by Uzhertu)

Deng Guo Long

Amur State University, Blagoveshchensk, Russia

412687814@gg.com, <https://orcid.org/0000-0003-3225-1608>

The Evenki are a small ethnic group living in Russia and China, which has preserved its traditional culture and rituals. The “Evenk theme” has become a significant phenomenon in modern Chinese literature and has contributed to ethnographic studies of Evenk culture. The relevance of the study is due to the interest of modern literary criticism in various artistic projections of imagological methodology through the prism of ethnic cultures, as well as the attention of modern Chinese writers to the life of small nationalities. The aim of the study was the imagological analysis of the image of the self-perception of the Evenki in the artistic ethnography of the Evenk writer Uzhertu. The research is based on the methodological developments in the field of artistic ethnography, as well as imagological studies of cultural images and artistic images of perception in literature. The principle of attracting and using ethnographic material is based on the works by Russian ethnographers. During the research, the stories of Uzhertu were analyzed. The image of the Evenk in his works is given from the point of view of self-perception. At the same time, it is emphasized that despite the positive qualities, the Evenk nation is weak and small in number, dissolving in the Han culture under the influence of globalization, modernization, and developing economy. As a representative of an ancient ethnos, faced with the impact of modern civilization, with each new stage of creativity, Uzhertu became more and more aware of his responsibility to his people, trying to fix and preserve its unique culture in an artistic form. In the “Evenk” works by Uzhertu, the main typological techniques of artistic ethnography were captured: the creation of images of perception of a foreign culture (Han) and images of perception, the imprinting of traditional religious ideas and a mythological picture of the world, a description of household and trade customs and rituals. Uzhertu sadly records the processes of enveloping the Evenks, their dissolution in the Han culture and everyday life.

Keywords: image of perception, image of self-perception, artistic ethnography, the Evenki, ethnic minorities, Uzhertu, modern Chinese literature

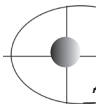
Acknowledgments: *The research was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant no. 20-012-00318 “Images of Russia and China in artistic ethnography (based on the materials from Russian and Chinese literature, journalism of Manchuria in the 1920s–1940s)”.*

Введение. Художественное запечатление образов этнического сознания в литературе – тема дискуссионная, в настоящее время активно обсуждаемая с точки зрения разных методологических традиций, эмпирических данных, сложившихся культурных парадигм [1–4]. Ключевыми понятиями имагологических исследований художественной репрезентации образов «своего/чужого» в этническом сознании становятся понятия «культурный образ» [5], «художественный образ восприятия» [6; 7].

В китайском литературоведении имагологическое направление появилось недавно, что обусловлено сложными социально-политическими процессами XX в. внутри страны (борьбой за создание национального государства, противоречиями социалистического строительства в 1950–1970-е гг., «культурной революцией» и т. д.). Лишь в конце прошлого столетия в Китае объявлена «политика открытости», утверждена национальная программа поддержки малых народностей, населяющих Китай, начато повсеместное изучение их этнических культур.

Большие трудности связаны с изучением народов Северо-Восточного Китая – практически до 1949 г. эти территории, населённые в основном маньчжурами и рассматриваемые как их вотчина, оставались на периферии китайской научной, общественной и литературной мысли. За годы «культурной революции» практически утерян багаж, накопленный в исследовании этнической карты региона русскими эмигрантами [7] и японскими исследователями, изучающими северо-восточные земли и народы с целью дальнейшего использования этих знаний в экспансионистских целях.

В настоящее время Северо-Восток Китая населяют самые разные народы, коренными из них считаются дауры [达斡尔族], маньчжуры [满族], эвенки [鄂温克族] и орочоны [鄂伦春族] (в китайской научной традиции эти народы традиционно разделяются) [8]. Эвенки – малочисленная этническая группа; согласно статистике пятой национальной переписи населения 2000 г., население эвенков составляет 30 505 человек. В основном они проживают в эвенкийском автоном-

ном районе [8, с. 1]. Поколениями это традиционное общество жило по законам тайги. 5 марта 1958 г. Народный комитет автономного района Внутренняя Монголия подписал Уведомление об объединённом изменении названий «саурон», «тунгус» и «якут» на «эвенки»¹.

После принятия нового статуса эвенки под воздействием выдвигаемых внутренней политикой Китая требований модернизации постепенно утратили свой традиционный образ жизни, занялись сельским хозяйством и животноводством, приняв китайский язык и культуру. Лишь небольшая часть эвенков-оленоводо- [使鹿鄂温克] осталась на исконной территории в лесах горного Хингана, сохранив свой язык и традиции, обычаи, устный фольклор.

Первые попытки исследования социального и экономического развития, этнической истории и культуры эвенков предприняли в 1950-е гг. в Автономном округе Внутренней Монголии. Отчёт студентов из Яньцзина, Университета Цинхуа и Пекинского университета в Хулунбуире стал первым опытом этнологического исследования после основания Китайской Народной Республики².

Но лишь в конце 1980-х гг. правительство Китая организовало масштабные этнографические экспедиции для сбора и сохранения культурного наследия эвенков. В целях реализации политики национального равенства и единства, обеспечения равного статуса этнических меньшинств организовали многочисленные экспедиции в эвенкийскую среду [9; 10]. В этот период учёные, успевшие застать живые религиозные практики коренных народов Северо-Восточного Китая, уделили большое внимание шаманизму эвенков («Исследование шаманизма» [11], «Таинственный мир шаманов» [12], «Шаманизм в Северо-Восточной Азии» [1], «Эвенкийский шаманизм» [13], «Исследо-

¹ Уведомление Народного комитета автономного района Внутренняя Монголия об объединённом изменении названий «саурон», «тунгус» и «якут» на «эвенки» в данном регионе // Политические новости Внутренней Монголии. – 1960. – № 12. – С. 3. = 内蒙古自治区人民委员会. 关于我区“索伦”、“通古斯”、“雅库特”统一改称鄂温克族的通知, 载 // 内蒙古政报. – 1960. – № 12. – 页. 3.

² Отчёт об этнических расследованиях Лиги Хуна Внутренней Монголии, составленный группой по исследованию трудовой деятельности Монголии летом 1950 г. (университеты Яньцзина, Цинхуа и Пекина). – Хух-хото: Народное изд-во Внутренней Монголии, 1997. – 302 с. = 燕京、清华、北大1950年暑期内蒙古工作调查团编《内蒙古呼纳盟民族调查报告》. – 呼和浩特: 内蒙古人民出版社, 1997. – 302页.

вание шаманизма северного этноса Китая» [14] и др.).

В то время как на приграничной российской стороне к началу XXI в. уже сложилась мощная этнографическая традиция изучения эвенков (С. М. Широкогоров, Г. М. Василевич, А. И. Мазин, А. П. Забияко [15–17]), сформировалась художественная традиция отражения их культуры, обычаев, религии (Г. А. Федосеев, В. Г. Лецик и др.), появились филологические исследования, посвящённые образу эвенков в художественной этнографии [18] – в китайской литературе эвенкийская тема появляется только в начале 80-х гг. XX в., а её литературоведческое изучение делает только первые шаги.

Зарождение и развитие эвенкийской темы тесно связано с так называемым «экологическим направлением» в китайской литературе [8]. Его концепция такова: с усилением социальной модернизации и глобализации жизненное пространство этнических меньшинств постоянно уменьшается, а национальные традиции и культура сталкиваются с реалиями современного мира. Чтобы привлечь внимание общества, защитить культуру и традиции этнических меньшинств, писатели последовательно создают на основе этнического материала произведения, затрагивающие повседневную жизнь, этническую культуру и религиозные традиции малых народов.

Яркими представителями эвенкийской темы в литературе стали писатели-эвенки Ужерту («Шаман, наш шаман» и др.)³ и Тукедонг Циншэн («Шаманское солнце»)⁴, а также ханьская писательница Чи Цзыцзянь («Правый берег реки Эргуна»)⁵ и др. Безусловно, в текстах этих авторов образы эвенков будут отличаться в полном соответствии с дихотомией «своё/чужое».

Ужерту (имя при рождении Ту Шаоин, 1952 г. р.) родился в г. Уланхот аймака Хинган [乌兰浩特] Внутренней Монголии, в семье эвенка и даурки. Детство писателя прошло

³ Ужерту. Шаман, наш шаман: рассказы. – Синин: Народное изд-во Цинхай, 2014. – 298 с. = 乌热尔图. 萨满, 我们的萨满: 小说集. – 西宁: 青海人民出版社出版年, 2014. – 298页.

⁴ Тукедонг Циншэн. Шаманское солнце. – Хух-хото: Народное изд-во Внутренней Монголии, 2009. – 249 с. = 涂克冬·庆胜. 萨满的太阳. – 呼和浩特: 内蒙古人民出版社, 2009. – 249页.

⁵ Чи Цзыцзянь. Правый берег реки Эргуна. – Пекин: Лит. изд-во народной литературы, 2014. – 273 с. = 迟子建. 额尔古纳河右岸. – 北京: 人民文学出版社, 2014. – 273页.

в посёлке Ньерджи [尼尔基镇] (побережье реки Нэньцзян даурского округа Моридавы), где основной была китайская культура. До 17 лет Ужертю не знал родного языка, не имел точного представления о своём народе и его традициях. После окончания школы он переехал и начал работать в Олгуя-Эвенкийской национальной области [敖鲁古雅鄂温克族乡], где в те годы ещё относительно сохранялась традиционная охотничья культура эвенков. В это время в юноше проснулись чувства глубокой причастности к эвенкийской культуре и её традициям [19].

Осознание собственной этничности шло постепенно: Ужертю овладевал эвенкийскими охотничьими навыками в Олгуе, проникаясь традиционными представлениями эвенков, превращаясь из «горного чужака», которого даже охотничья собака считала чужим, в настоящего эвенка, ориентирующегося свободно в тайге: *«Первый раз я получил новый охотничий костюм, первый раз выбрал охотничье ружьё, первый раз охотился на белок, встретил первого большого медведя во время охоты, первый раз увидел делёж добычи и впервые поклонился богам в горах...»*¹. Эти переживания не только дали ему всестороннее понимание своего этноса и чувство этнической сопричастности, но и побудили к литературному запечатлению традиционной жизни своего народа. Как человек маргинального типа сознания, рождённый в межэтническом браке, Ужертю стал наиболее активным проводником этнических интересов эвенков [20].

Он начал писать в 1976 г., а в 1978 г. уже публиковал свои произведения в центральных литературных журналах («Народная литература», «Степь» и «Шандан»). Его рассказы сразу же привлекли внимание китайского литературного мира [8, с. 129]. В настоящее время Ужертю считается одним из самых влиятельных писателей в области литературы этнических меньшинств и даже в современной литературе Китая [21]. Произведения китайского эвенка известны в России – их переводят² и исследуют (Ю. Г. Хазанкович, Ю. А. Дрейзис, О. Н. Ри-

сухина, А. Н. Коробова, Т. В. Воронченко, Ван Сыхэн и др.).

Методология и методы исследования. В основе исследования – методологические разработки в области художественной этнографии эвенков А. А. Забияко [18; 20], а также имагологические исследования культурных образов (А. Д. Пажо) [5] и художественных образов восприятия в литературе (А. А. Забияко, Е. В. Сенина [4; 6; 22], Ван Юйци). Принцип привлечения и использования этнографического материала базируется на трудах Г. М. Василевич, А. И. Мазина, А. П. Забияко и др. [17; 23]; анализ литературных текстов с позиции художественной этнографии соотнесён с работами А. А. Забияко. Образ восприятия запечатлевает образ чужого, образ же самовосприятия направлен на своё, свой народ. Ужертю – эвенк по рождению, но ставший эвенком по духу только в сознательном возрасте. Он считает себя эвенком, что позволяет рассматривать художественный образ восприятия эвенка в его творчестве с позиции саморецепции.

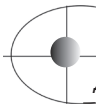
Методология анализа включает культурно-исторический метод (в исследовании контекста создания произведений об эвенках), сравнительно-исторический метод (при сравнении различных исторических этапов в жизни этнической группы), переводоведческую методiku. В культурно-исторической и сравнительно-исторической части исследования мы опираемся на труды Конг Фаньчжи [24], Тун Цинбиня [19], Бао Гуйменя [21].

Результаты исследования и их об-суждение. Исследователи разделяют творчество Ужертю на три этапа [Там же]. Первый этап творчества Ужертю – с 1978 по 1983 г. – связан с первыми впечатлениями от знакомства со своим этносом. Эти рассказы относятся к сложному периоду китайской истории (возрождения и модернизации после «культурной революции»), кардинально изменившему жизнь этнических меньшинств. К наиболее ярким произведениям этого времени относятся «Олень с семью рогами», «Янтарный костёр» и «Старик и олень».

«Янтарный костёр» опубликован в 1983 г. Сюжет рассказа основан на житейской истории: охотник-эвенк Нику ведёт свою тяжелобольную жену Тали в больницу за горой. По дороге они видят следы трёх незнакомцев и понимают, что те заблудились в лесу. Нику оказывается перед выбором:

¹ Ужертю. День, когда я охотился в лесу // Шаман, наш шаман: рассказы / Ужертю. – Синин: Народное изд-во Цинхай, 2014. – С. 280. = 我在林中狩猎的日子 // 我的 小集. 西宁: 青海人民出版社出版年, 2014. – 页. 280.

² Ужертю. Судьба охотника / пер. Е. И. Рождественской-Молчановой // Современная новелла Китая. – М.: Художественная литература, 1988; Он же. Янтарный костёр / пер. Н. А. Спешнева // Современная китайская проза. Барговое облако. – М.: АСТ, 2007. – 512 с.

спасать жену или незнакомых людей. Хотя его жена испытывает сильнейшие боли, она разделяет стремление мужа помочь «чужакам», уговаривает его отправиться по следам незнакомцев: «Кашель... кашель... кашель... Я так тяжело говорю, сердце бьётся! Нику, ты... иди... иди! Я знаю, ты ждёшь моих слов!»¹ Нику оставляет жену ночью в лесу под присмотром 14-летнего сына Цюке и отправляется на поиски. Несмотря на сильный дождь, Нику находит трёх замерзающих китайцев, быстро разводит костёр и идёт на охоту. Нику – опытный следопыт, он рассказывает заблудившимся путникам, как выбраться к людям. Бедняга стремится скорее вернуться к жене, но люди умоляют не бросать их и сопроводить дальше.

Ужерту обращает внимание на особый склад этнического характера эвенков и их таёжную этику. На протяжении повествования герой находится в состоянии трудного выбора: спасти троих незнакомцев или оказать помощь жене. Для таёжных эвенков помощь оказавшемуся в беде путнику – непреложный закон. Спасённые эвенком китайцы очень благодарны и взволнованы, но Нику – спокоен, он понимает, что так поступил бы каждый: «Вы спасли жизни нас троих!» – старик в очках тряс губами, и его глаза были влажными. Нику сел, посмотрел на них и ничего не сказал. Ему нечего было сказать. Независимо от того, какой эвенк встретит подобное в лесу, он сделает то же самое, что и он. Просто у некоторых это получается хорошо, а у некоторых – нет»².

Таёжная этика эвенков определяется их пантеистическим отношением к природе, для них она – живое существо, мать всего сущего. Люди – дети природы, и о них нужно заботиться.

Любовь к природе, родной земле, лесу и горам у эвенков в крови, они не хотят уходить в город, даже если смертельно больны. Тали перед смертью говорит: «На горе... Я не чувствую себя неловко, даже когда умираю... Это не из-за страха, что ты рассердишься, я действительно не хочу спускаться с горы на этот раз...

¹ Ужерту. Янтарный костёр // Шаман, наш шаман: рассказы / Ужерту. – Синин: Народное изд-во Цинхай, 2014. – С. 69. = 琥珀色的篝火 // 我的: 小集. – 西宁: 青海人民出版社出版年, 2014. – 页. 69.

² Там же. – С. 73.

Если я действительно умру, похороните меня на горе»³.

Лес и горы – место рождения и место смерти, они принимают своих детей и помогают им, поддерживают дух и дают силы. Вне привычной среды обитания эвенки теряют человеческий облик. Нику вспоминал свою жизнь в городе: «Нику вернулся к огню и молча сел. По какой-то причине он вспомнил то, что делало его неприятным в прошлом. Он вспомнил то время, когда он, пьяный, лежал в придорожной канаве в ближайшем городке, группа детей без всякой причины бросала в него камни. Он также вспомнил, что однажды он шёл по оживлённой улице с дробовиком и в окровавленном охотничьем костюме. Многие люди смотрели на него таким странным взглядом. Выражение лица официантки... Он вспомнил её кривой нос, прикрытый рот. Он также вспомнил... он почувствовал боль в носу и хотел найти место, где никто бы это не видел. Он поднял голову и посмотрел на голубое небо. Небо над горой было таким голубым и чистым. Он чувствовал, что голубое небо было недалеко от него, совсем недалеко»⁴.

Когда-то давно близость родного неба позволила ему вернуться в родной лес и стать достойным человеком, а не умереть пьяным в придорожной канаве. В городе он был слаб и сам себе противен.

Нику – настоящий лесной человек, он ловко находит заблудившихся путников, разводит костёр, делает им постели из еловых веток и идёт на охоту, хотя сам устал и измучен: «Тёмной ночью Нику нашёл троих замёрзших прохожих во время сильного дождя. Он построил для них временные убежища и нарубил веток для костра и лежаков. Он был измучен и истощён, но смог спасти жизни людей»⁵. В лесу он чувствует себя как дома, прекрасно ориентируется, он ловок и смел, в отличие от городских жителей: «Эти трое парней волочатся, как раненые кабаны, может, ещё не ели!»⁶. Помогая заблудившимся ханьцам, Нику упускает время: из-за сильного дождя мост к больнице сломался, его жена умерла. Сын, похоронив мать, под проливным дождём находит Нику. Финальный эпизод рассказа символи-

³ Там же. – С. 67.

⁴ Там же. – С. 75.

⁵ Там же. – С. 69.

⁶ Там же.

чен: спины эвенков, отца и сына, исчезают в лесу.

«Олень с семью рогами» – рассказ, написанный в 1981 г. Его главная тема – инициационная: обучение юных эвенков не только охоте, но и любви к лесу, пониманию его законов, их становление как охотников. Сюжетно-композиционные особенности вновь определяются пантеистической картиной мира эвенков: фабула рассказа подчинена этапам воспитания 13-летнего юноши его отчимом Джиттом. Тотемный образ полуреального, полумифического оленя с семью рогами лежит в основе каузальных связей повествования. Оно ведётся от первого лица мальчика-подростка, рассказывающего о том, что после смерти отца в их семью пришел отчим, суровый и властный мужчина. Джитт постоянно называет мальчика бесполезным и подталкивает его пойти на охоту в одиночку: «Однажды, раздосадованный словами отчима, я попросил дробовик, который оставил мой отец, и решил пойти на охоту, чтобы доказать, что я не бесполезен для Джитта!»¹

Мальчик решает пойти на охоту и встречает прекрасное животное – оленя с рогами в форме семи лучей. Он ранит животное, но не убивает. Позже он ещё дважды встретит этого оленя, когда самец отбивает своё стадо от волка. Мальчика восхищает смелость и красота животного, он убивает волка, напавшего на оленей. Джитт помогает мальчику и оленю – оказалось, что он так хотел обучить подростка лесной жизни: ценить каждое живое существо. Он наблюдал за мальчиком издали и был очень доволен его поступками.

Отправляясь в лес, мальчик был настроен только доказать, что он – охотник, но встречи с оленем с семью рогами меняют его мировосприятие: он видит красоту, силу, смелость животного, переживает и волнуется за него, в конце концов, помогает спастись: «Третья встреча с этим оленем произошла осенью на охоте. Я сразу понял, что олень, сражающийся с четырьмя волками, был семироговым оленем. Он всё ещё был сильным и храбрым, но я волновался, что его превосходят численностью,

поэтому я застрелил волка. Самца оленя снова отпустил»².

Ситуация спасения оленя решительно меняет его отношения с отчимом, который всё это время присматривался к мальчику, а теперь очень гордится его поступком: «К моему удивлению, Джитт не стал ругать меня за то, что позволил оленю уйти, а крепко обнял меня своими большими руками. Он на жизненном примере объяснил мне, как стать настоящим охотником-эвенком, и как эвенки уважают жизнь и относятся к ней по-доброму»³.

Джитт учит пасынка не словами, а делом. Встречи с оленем с семью рогами помогают мальчику понять, что есть главное в жизни его народа: «Хотя мы живём охотой, мы никогда не бываем жадными. Поколения следуют закону гармонии и устойчивости в лесу»⁴.

Рассказ «Старик и олень» (1988) описывает историю 81-летнего эвенка, возвращающегося в лес со своим внуком после «экологической миграции» в Олгуя-Эвенкийскую область. Старик вспоминает истории своей лесной жизни, своих «старых друзей» – растений и деревьев в горах. Любовь старого эвенка к природе выражается в каждом жесте, в каждом слове, ведь все окружающие его предметы – его друзья, которые помнят его: «Старик шёл по небольшой дороге, сломал рукой мёртвую ветку и ступил ногой по упавшему дереву на землю. Он остановился у сосны и потянулся, чтобы погладить ствол:

– Ты всё ещё знаешь меня... – голос старика был хриплым.

– Дедушка, с кем ты говоришь? – спросил ребёнок.

– С моим другом!

– Ой, ты говоришь с сосной»⁵.

Старик мечтает услышать знакомые звуки оленьих криков, наполнивших лес в былые времена: «Я здесь, чтобы послушать голоса диких оленей, как если бы вы слушали песню по радио. Это настоящая песня, она будет спета для меня!»⁶

Тщетно ждёт он один, два и три дня, наконец, он не смог ничего дожидаться, поэтому

² Там же. – С. 55.

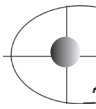
³ Там же. – С. 56.

⁴ Там же. – С. 57.

⁵ Ужерту. Старик и олень // Шаман, наш шаман: рассказы / Ужерту. – Синин: Народное изд-во Цинхай, 2014. – С. 20. = 老人和鹿 // 我们的: 小说集. – 西宁: 青海人民出版社出版年, 2014. – 页. 20.

⁶ Там же. – С. 22.

¹ Ужерту. Олень с семью рогами // Шаман, наш шаман: рассказы / Ужерту. – Синин: Народное изд-во Цинхай, 2014. – С. 54. = 七叉犄角的公鹿 // 我们的: 小说集. – 西宁: 青海人民出版社出版年, 2014. – 页. 54.

старик берёт охотничий свисток, издающий крики оленей-самцов и детёнышей. Старик завещает своему внуку запомнить эти звуки, потому что внук их больше никогда не услышит – оленей больше нет в этом лесу.

Рассказ заканчивается символической сценой – старый эвенк обнимает любимую землю перед смертью: *«К сожалению, мужчина средних лет повернулся и упал на свою любимую землю, его лицо было прижато к земле, в уголках его глаз всё ещё блестели слёзы, а руки были раскрыты, как будто он хотел что-то обнять»*¹.

Диалоги старика и его внука выражают тоску старика-эвенка по родной тайге и его сожаление по поводу разрушения лесной экологии. Он критикует процесс модернизации, уничтожающий тайгу и традиционный образ жизни эвенков. Трагический финал рассказа связан не только со смертью старика-эвенка, но и с медленным умиранием самой тайги – верного друга и товарища всех эвенков. Ужертву в рассказе поднимает тему экологической ситуации в Китае, когда из-за вмешательства человека в природу гибнут леса, животные и сами «лесные» люди. Эта тема становится основной в его дальнейшем творчестве.

Второй этап творчества Ужерту – с 1983 по 1993 г. Система персонажей в произведениях этих лет отражает контраст между старым и новым поколением, представляет оппозицию традиционной и современной культуры, в том числе, в лице носителей традиционной культуры – старых охотников и шаманов, молодых людей, которые нарушают правила охоты и забывают древние религиозные обычаи [10].

Рассказ «Шаман, наш шаман», написанный в 1992 г., описывает историю последнего шамана Да Лао Фей (очевидно, это китаизированный вариант русского имени Дорофей). Шаман обладает магическими сверхъестественными способностями, олицетворяющими душу и силу народа эвенков, и многие поколения эвенков уважали и восхищались им. Экономическое развитие района Большого Хингана приводит к наплыву огромного количества туристов, нарушающих мирную жизнь эвенков, чья родовая земля становится местом для фотографирования туристов. Почитаемого эвенками

¹ Ужерту. Старик и олень // Шаман, наш шаман: рассказы / Ужерту. – Синин: Народное изд-во Цинхай, 2014. – С. 27. = 老人和鹿 // 我们的: 小集. – 西宁: 青海人民出版社出版年, 2014. – 页. 27.

шамана постоянно вывозят туристам как элемент фотосессии. Таинственный шаманский ритуал используется в качестве туристического шоу. Не выдержав бесчинств и бессовестной эксплуатации своего тайного знания, старый шаман, используя древнюю магию, однажды превращается в медведя, чтобы отпугнуть туристов, которые повсюду справляют нужду.

Современный мир бесцеремонно вторгся в мирную и тихую жизнь эвенков, которые не знают, как защититься, и выбирают путь – уйти в лес и слиться с природой. В рассказе неоднократно выражается отвращение эвенков к наплыву туристов и беспомощность перед ними. Автор рассуждает о поведении последнего шамана, который устал от бесконечного внимания и недостойного поведения незнакомых людей: *«Каково первоначальное намерение шамана Да Лао Фей, притворяющегося мертвым? Это кратковременное безумие или бегство от шумной толпы? Я до сих пор помню его взгляд, сверлящий меня из мрачной дыры в дереве – это действительно пойманный зверь... Недоумение и беспомощность»*².

Ужерту искренне сочувствует шаману, разделяя его состояние: *«Я не забыл взгляд Да Лао Фей, шамана, который стар, как сумерки, которого я никогда раньше не видел; холодно проходит он сквозь толпу и бросается вдаль. Глядя в его глаза, я не знаю, почему, но холод пробирал моё сердце, оно полно невыразимой печали и невыплаканных слёз»*³.

Рассказы второго этапа показывают эвенков как этнос, которому приходится меняться вместе с современным миром, изменять своим традициям, обычаям, приспосабливаться и выживать. Ужерту против того, чтобы эвенки растворились в китайском обществе, потеряв свою культуру и индивидуальность.

Художественный образ самовосприятия эвенков в творчестве Ужерту создан с помощью различных приёмов:

1. Система персонажей рассказов. В центре внимания Ужерту, прежде всего, образы *своих* – собирательные образы охотников-эвенков. В некоторых рассказах у героев нет имён: мальчик из рассказа «Олень с семью рогами» – просто обычный эвенкий-

² Ужерту. Шаман, наш шаман: рассказы. – Синин: Народное изд-во Цинхай, 2014. – С. 191. = 我们的: 小说集. – 西宁: 青海人民出版社出版年, 2014. – 页. 191.

³ Там же.

ский мальчик, старик из рассказа «Старик и олень» также не имеет имени. Номинация не играет роли, это обобщённые образы эвенков-подростков, которые учатся познавать мир, и образы всех стариков, которые передают свои знания молодым.

Эвенки – потомственные охотники и следопыты, даже переехав в город, они не теряют своих навыков. Мальчик из рассказа «Олень с семью рогами» в 13 лет может подстрелить взрослого оленя. Нику, уставший, ночью в сильный дождь успешно находит косулю, чтобы накормить путников.

Воплощением души эвенкийской нации становится образ шамана из рассказа «Шаман, наш шаман». Ужертву пишет об уважении к этому человеку, его силе и характере. Шаман Да Лао Фей ищет мирный способ избавиться от туристов, позволяя себе поведение, в корне отличное от принятого: «Я помню, что в тот день, когда была достигнута кульминация, толпа подходила одна за другой, как косяк рыб, мигрирующих ранней весной. Вы не можете сказать, было ли их сто или пятьсот. Шаман Да Лао Фей был плотно втиснут в толпу в центре, пар рук на его плечах, на его спине, на его груди, на его локтях, похлопывающих, трещающих, щипающих... В конце дня Да Лао Фей стал тихо испражняться прямо на людях, эти люди закрывали носы, вокруг него образовалось небольшое открытое пространство. Я один понимал, что это уникальное и чрезвычайно умное сопротивление»¹. Старый шаман притворяется дикарем, чтобы избавиться от туристов.

Эвенкам противопоставлен образ «чужих» – заблудившиеся китайцы, которые слабы и беспомощны в тайге, туристы, которые не уважают чужую культуру, перекупщики мяса, которые не хотят охотиться сами, но, имея деньги, заставляют молодых эвенков отворачиваться от традиций предков. Чужие люди обезличены в рассказах, но оказывают большое влияние на эвенков, которые честны и простодушны. Воздействие «чужих» разрушает традиционную жизнь – в рассказе «Шаман, мой шаман» Ужертву описывает часть самих эвенков, желающих заработать: «Но никто не может остановить наплыв туристов точно так же, как невозможно остановить наводнение. Мой брат, который слепо поклоняется посторонним,

¹ Ужертву. Шаман, наш шаман: рассказы. – Синин: Народное изд-во Цинхай, 2014. – С. 191. = 我们的: 小说集. – 西宁: 青海人民出版社出版年, 2014. – 页. 190.

снова и снова просит шамана Да Лай Фей выступить перед туристами в шаманском костюме»².

2. Описание традиционной жизни эвенков, их промысловых обычаев, «таёжной этики». Каждый эвенк знает лес, различные тропы, умеет читать следы, развести костёр, добыть пропитание. Они готовы помогать заблудившимся людям в ущерб собственной семье. Бытовые привычки и поведение эвенков отличаются от поведения китайцев. Эвенки – настоящие «лесные» люди, лес для них и колыбель, и родной дом, и могила, они связаны с ним как с родной матерью. Эвенки чувствуют лес, уважают его и стремятся к гармонии, а не к потребительству. В рассказе «Старик и олень» старый эвенк говорит внуку: «Дитя, ты должен помнить, как и твой брат, как и твоя мама... Помни мои слова, людям не обойтись без леса, и не может не быть пения в лесу»³.

У эвенков отличное зрение, охотники-эвенки прекрасно стреляют. Они едят сырую печень косули и оленью печень, которая, согласно их анимистическим представлениям, хороша для глаз. Нику забывает косулю, чтобы накормить продрогших китайцев: «В это время измученный Нику с помощью охотничьего ножа разрезал свежую тёплую печень косули на куски, затем схватил кусок и положил его себе в рот»⁴.

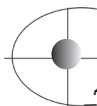
3. Религиозное сознание эвенков и их мифологическая картина мира воплощены в полумифических и мифических персонажах. Они, как правило, в сюжете определяют каузальные связи. Мифологические сюжеты органичны для обыденного сознания эвенков, которые следуют культу предков, верят в то, что каждый предмет имеет душу. Одним из главных героев рассказа «Олень с семью рогами» становится охотничья мифологема – олень с семью рогами-лучами. Олень – это тотемное животное эвенков, олицетворяющее собой природу.

Култ предков эвенков, связанный с медвежьей мифологией, становится сюжетообразующим в рассказе «Шаман, наш

² Там же.

³ Ужертву. Старик и олень // Шаман, наш шаман: рассказы / Ужертву. – Синин: Народное изд-во Цинхай, 2014. – С. 27. = 老人和鹿 // 我们的: 小说集. – 西宁: 青海人民出版社出版年, 2014. – 页. 27.

⁴ Ужертву. Янтарный костёр // Шаман, наш шаман: рассказы / Ужертву. – Синин: Народное изд-во Цинхай, 2014. – С. 74. = 琥珀色的篝火 // 我的: 小说集. – 西宁: 青海人民出版社出版年, 2014. – 页. 74.

шаман». В экспозиции рассказа приводится генеалогический миф эвенков: «Давным-давно охотник отправился в горы на охоту, его внезапно поймала медведица и затащила в пещеру, заставив охотника жениться на ней. Охотник был вынужден согласиться. Он несколько лет прожил с матерью-медведицей, и у них родился детеныш. Каждый раз, когда медведица выходила на охоту, чтобы не дать охотнику сбежать, дверь пещеры плотно закрывалась.

Однажды медведица вывела медвежат на охоту, но забыла закрыть вход в пещеру. Охотник воспользовался случаем, чтобы спастись бегством, побежал к реке, сел на плот и отправился по течению.

Вернулась медведица и обнаружила, что охотник исчез, повела медвежонка в погоню и нашла охотника в реке. Она кричала и пыталась убедить его вернуться, но охотник проигнорировал её. Медведица так рассердилась, что в ярости разорвала медвежонка пополам, половину бросила охотнику, а половина осталась с ней. Тот, кто остался, позже стал медведем, а половина охотника стала народом эвенки. Даже сегодня у народа эвенков есть привычка бояться медведей и считать медведей своим тотемом»¹.

Шаман Да Лао Фей может превратиться в медведя, обладает сверхспособностями, даже его смерть от лап медведя становится для эвенков знаком того, что душа шамана соединилась с медведем – их общим предком.

Ужерту много внимания уделяет шаманизму эвенков, укоренённому в сознании эт-

носа, несмотря на атеизм, характерный для современного китайского сознания.

Третий этап творчества писателя обращён к его попыткам составить сугубо этнографические свидетельства о жизни китайских эвенков².

Заключение. «Эвенкийская тема» стала значимым явлением современной китайской литературы, внесла вклад в этнографические исследования эвенкийской культуры. Как представитель древнего этноса, столкнувшегося с воздействием современной цивилизации, Ужерту с каждым новым этапом творчества все глубже осознавал ответственность перед своим народом, пытаясь использовать литературу для фиксации и сохранения его уникальной культуры. Можно с уверенностью говорить, что в «эвенкийских» произведениях Ужерту использованы основные типологические приёмы художественной этнографии: создание образов восприятия инокультуры (ханьской), отражение традиционных религиозных представлений и мифологической картины мира, описание бытовых и промысловых обычаев и ритуалов. Ужерту с грустью фиксирует процессы окитаивания эвенков, их растворения в ханьской культуре и быте.

Развитие эвенкийского направления продолжилось в творчестве писателя-эвенка Тукэдуна Циншэна, создавшего образ эвенка-патриота, героя антияпонского сопротивления («Шаманское солнце»), и в творчестве китайской писательницы Чи Цзыцзянь в романе «Правый берег реки Аргунь». Изучение образа восприятия эвенков в этих произведениях представляет дальнейшую перспективу данного исследования.

Список литературы

1. Сей Инь. Шаманизм в Северо-Восточной Азии. Пекин: Китайское общественное науч. изд-во, 1998. 260 с. @@ 色音. 东北亚的萨满教. 北京: 中国社会科学出版社, 1998. 260 页.
2. Ощепков А. Р. Имагология // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 251–253.
3. Поляков О. Ю. Принципы культурной имагологии Даниэля-Анри Пажо // Филология и культура. 2013. № 2. С. 181–184. 282 页.
4. Забияко А. А., Сенина Е. В. Художественный образ восприятия инокультуры как категория имагопоэтики // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2021. Т. XX, Вып. 1. С. 166–171.
5. Пажо Д. А. От культурного образа к коллективному воображению. Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 2001. 282 с. @@ 达尼埃尔·亨利·巴柔. 从文化形象到集体想象物. 北京: 北京大学出版社, 2001. 282 页.
6. Забияко А. А., Сенина Е. В. Образы восприятия Китая и китайцев в советской литературе и публицистике 1920–1940 гг. // Rossica Olomucensia. Olomouc. 2019. Vol. LVIII. No. 1. Pp. 67–86.
7. Zabiyaiko A. A. Image soft the Russian Literary Ethnography of Manchuriaian the First Half of the 20-th Century // Aoyama Journal of International Studies. 2021. No. 8. Pp. 61–78. DOI: 10.34321/21713.

¹ Ужерту. Шаман, наш шаман: рассказы. – Синин: Народное изд-во Цинхай, 2014. – С. 185. = 乌热尔图. 萨满, 我们的萨满: 小说集. – 西宁: 青海人民出版社出版年, 2014. – 页. 185.

² Ужерту. Рассказы об эвенках. – Пекин: Юньфан, 1995. – 455 с. = 乌热尔图, 《述说鄂温克》, 远方出版社, 1995. – 455 页.

8. Чжао Яньхуа, Баоинь. Исследование эвенкийской литературы. Пекин: Народное изд-во, 2013. 315 с. @@ 赵延安, 宝音. 鄂温克族文学研究. 北京: 人民出版社, 2013. 315 页.
9. Люй Гуантян. Исследование примитивных социальных форм северных народов. Иньчуань: Народное изд-во Нинся, 1981. 266 с. @@ 吕光天. 北方民族原始社会形态研究. 银川: 宁夏人民出版社, 1981. 266 页.
10. Ли Дэжжу. Краткая история эвенков. Пекин: Национальный издательский дом, 1986. 513 с. @@ 李德洙. 鄂温克族简史. 北京: 民族出版社, 1986. 513 页.
11. Цю Пуй. Исследование шаманизма. Шанхай: Шанхайское народное изд-во, 1985. 180 с. @@ 秋浦. 萨满教研究. 上海: 上海人民出版社, 1985. 180 页.
12. У Бинан. Таинственный мир шаманов. Шанхай: Шанхайский книжный магазин, 1990. 286 с. @@ 乌丙安. 神秘的萨满世界. 上海: 上海三联书店, 1990. 286 页.
13. Манду Эрту, Чао Кэ, Ван Личжэнь. Эвенкийский шаманизм // Вестник центрального национального университета. 2000. № 6. С. 21–25. @@ 满都尔图与, 朝克, 和汪立珍. 鄂温克族萨满教卷 // 中央民族大学学报. 2000. № 6. 页. 21–25.
14. Мэн Хуэйин. Исследование шаманизма северного этноса Китая. Пекин: Китайское общественное научное изд-во, 2000. 384 с. @@ 孟慧英. 中国北方民族萨满教研究. 北京: 社会科学文献出版社, 2000. 384 页.
15. Ши Луго (Широкогоров С. М.). Социальная организация северных тунгусов. Хух-хото: Народное изд-во Внутренней Монголии, 1984. 753 с. @@ 史录国. 北方通古斯的社会组织. 呼和浩特: 内蒙古人民出版社, 1984. 753 页.
16. Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Л.: Наука, 1969. 305 с.
17. Забияко А. П., Кобызов Р. А., Мазин А. И. Шаманизм эвенков Приамурья и Южной Якутии (современное состояние) // Традиционная культура Востока Азии. Благовещенск: Изд-во АМГУ, 2002. Вып. 4. С. 304–309.
18. Забияко А. А. Материальная и духовная культура эвенков в художественной этнографии амурских писателей // Филологическая регионалистика, 2012. № 1. С. 12–31.
19. Тун Цинбинь. Детский опыт писателя и его влияние на творчество // Литературное обозрение. 1993. № 4. С. 3–7. @@ 童庆炳. 作家的童年经验及其对创作的影响 // 文学评论. 1993. № 4. 页. 3–7.
20. Забияко А. А., Забияко А. П. Фольклор русского населения Трёхречья как способ сохранения этничности // Русские Трёхречья: основы сохранения этнической самобытности. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. С. 210–252.
21. Бао Гуймен. Вчерашний охотник: диалог с эвенкийским писателем Ужерту // Китайская нация. 2007. № 12. С. 16–19. @@ 宝贵敏. 巴义尔: 《昨日的猎手—与鄂温克族作家乌热尔图的对话》, 北京: 中国民族出版社, 2007. 页. 16–19.
22. Забияко А. А., Сенина Е. В. Образы восприятия русских эмигрантов в китайской литературе 1920–1940 гг. // Emigrantologia Slowian. Opole. 2016. No. 2. Pp. 19–32.
23. Забияко А. П., Аниховский С. Э., Воронкова Е. А., Забияко А. А., Кобызов Р. А. Эвенки Приамурья: оленная тропа истории и культуры. Благовещенск: Одеон, 2012. 384 с.
24. Конг Фаньчжи. Древние народы эвенки Аолу. Тяньцзинь: Изд-во древних книг Тяньцзиня, 1989. 93 с. @@ 孔繁志. 敖鲁古雅的鄂温克人. 天津: 天津古籍出版社, 1989. 93 页.

Информация об авторе

Дэн Голун, аспирант, Амурский государственный университет; 675027, Россия, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21; e-mail: 412687814@gg.com; <https://orcid.org/0000-0003-3225-1608>.

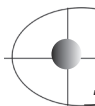
Для цитирования

Дэн Голун. Образ восприятия эвенков в художественной этнографии китайских писателей (на материале творчества Ужерту) // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 1. С. 8–18. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-1-8-18.

Статья поступила в редакцию 20.08.2021; одобрена после рецензирования 30.10.2021; принята к публикации 05.11.2021.

References

1. Sej, In'. Shamanism in Northeast Asia. Pekin: Kitajskoeobshh. nauch. izd-vo, 1998. (In Chin.)
2. Oshchepkov, A. R. Imagology. Knowledge. Understanding. Skill, no. 1, pp. 251–253, 2010. (In Rus.)
3. Polyakov, O. Yu. Principles of Cultural Imagology by Daniel-Henri Pazho. Philology and Culture, no. 2, pp. 181–184, 2013. (In Rus.)
4. Zabiyaiko, A. A., Senina E. V. The artistic image of the perception of a foreign culture as a category of imagopoetics. Social and human sciences in the Far East, vol. XVIII, no. 1, pp. 166–171, 2021. (In Rus.)

5. Pazho, D. A. From Cultural Image to Collective Imagination. Pekin: Izd-vo Pekinskogo un-ta, 2001. (In Chin.)
6. Zabiako, A. A., Senina, E. V. Images of the Perception of China and the Chinese in the Soviet Literature and Journalism of the 1920s-1940s. *Rossica Olomucensia*, no. 1, vol. LVIII, pp. 67–86, 2019. (In Rus.)
7. Zabiako, Anna A. Images of the Russian Literary Ethnography of Manchuria in the First Half of the 20th Century. *Aoyama Journal of International Studies*, no. 8, pp. 61–78, 2021. (In Engl.)
8. Chzhao, Jan'hua, Bao'in'. Study of Evenk Literature. Pekin: Narodnoe izd-vo, 2013. (In Chin.)
9. Ljuj, Guantjan. Study of primitive social forms of northern peoples. In 'chuan': Narodnoe izd-vo Ninsja, 1981. (In Chin.)
10. Li, Dezhu. A brief history of the Evenks. Pekin: Natsionalnyi izdatel'skiy dom, 1986. (In Chin.)
11. Cju, Puj. Research on shamanism. Shanhai: Shankhaiskoe narodnoe izd-vo, 1985. (In Chin.)
12. U, Binan. The mysterious world of shamans. Shanhai: Shankhaiskiy knizhnyi magazin, 1990. (In Chin.)
13. Mandu, Jertu, Chao Kje, Van Lichzhjen'. Evenk shamanism. *Central National University Bulletin*, no. 6, pp. 21–25, 2000. (In Chin.)
14. Mjen, Hujejin. A study of the shamanism of the northern ethnoses of China. Pekin: Kitaiskoe obshchestvennoe nauchnoe izd-vo, 2000. (In Chin.)
15. Shi, Lugo (Shirokogorov S. M.) Social organization of the Northern Tungus. Huh-hoto: Narodnoe izd-vo Vnutrennei Mongolii, 1984. (In Chin.)
16. Vasilevich, G. M. Evenki. Historical and ethnographic essays (XVIII – early XX centuries). L: Nauka, 1969. (In Rus.)
17. Zabiako, A. P., Kobyzov, R. A., Mazin, A. I. Shamanism of the Evenks of the Amur region and South Yakutia (current state). In *Traditional culture of the East of Asia*. Blagoveshchensk: Amur State University, 2002: 304–309. (In Rus.)
18. Zabiako, A. A. Material and spiritual culture of the Evenki in the artistic ethnography of Amur writers. *Philological regionalistics*, no. 1, pp. 12–31, 2012. (In Rus.)
19. Tun, Cinbi'. Children's experience of the writer and its influence on creativity. *Literature review*, no. 4, pp. 3–7, 1993. (In Chin.)
20. Zabiako, A. A. Folklore of the Russian population of the Three Rivers as a way of preserving ethnicity. In *Russian Three Rivers: the basics of preserving ethnic identity*. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2017: 210–252. (In Rus.)
21. Bao, Gujmen. Yesterday's hunter: a dialogue with the Evenk writer Uzhertu. *Chinese nation*, no. 12, pp. 16–19, 2007. (In Chin.)
22. Zabiako, A. A., Senina E. V. Images of the Perception of Russian Emigrants in Chinese Literature of the 1920s-1940s. *Emigrantologia Slowian*, no. 2, pp. 19–32, 2016. (In Rus.)
23. Zabiako, A. P., Anikhovskiy, S. E., Voronkova, E. A., Zabiako, A. A., Kobyzov, R. A. Evenki Priamurye: a reindeer trail of history and culture. Blagoveshchensk: Odeon, 2012. (In Rus.)
24. Kong, Fanzhi. Ancient peoples of the Evenki Aolu. Tjan'czin': Izdatel'stvo drevnikh knig Tjan'czinja, 1989. (In Chin.)

Information about author

Deng Guo Long, Postgraduate Student, Amur State University; 21 Ignatievskoe sh., Blagoveshchensk, 675027, Russia; e-mail: 412687814@gg.com; <https://orcid.org/0000-0003-3225-1608>.

For citation

Deng Guo Long. The Image of the Perception of the Evenki in the Artistic Ethnography of Chinese Writers (Based on the Material of the Work by Uzhertu) // *Humanitarian Vector*. 2022. Vol. 17, No. 1. PP. 8–18. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-1-8-18.

Received: August 20, 2021; approved after reviewing October 30, 2021; accepted for publication November 5, 2021.